

жет, – но они Ему подходят по Его беско-нечной потенции к творчеству. Всамомделе, Бог от века мог творить, иначе Он не был бы высшим всемогуществом; значит, хотя это имя «Творец» подходит Ему с точки зрения творений, оно подходит Ему еще и до появления творений, ведь он от века уже мог творить. То же в отношении праведности и всех остальных утвердительных имен, которые мы ради некоего обозначаемого этими именами совершенства переносим на Бога с творений, хотя все эти имена от века, еще прежде, чем мы приписали их Богу, поистине уже были свернуто заключены в Его высшем совершенстве и в Его бесконечном имени, как и все означаемые такими именами вещи, с которых мы переносим их на Бога.

И это настолько верно в отношении всех утвердительных определений Бога, что даже имя Троицы и ее лиц, то есть Отца, Сына и Святого Духа, прилагается к Богу только по Его отношению к творениям. В самом деле, если Бог есть родитель и Отец оттого, что Он единство, рожденный, или Сын, оттого, что Он равенство единства, и Святой Дух оттого, что Он связь обоих, то Сын именуется Сыном явно оттого, что Он равенство единства, то есть бытия, или существования. Отсюда ясно, что Бог именуется Сыном в отношении вещей оттого, что извечно уже мог сотворить вещи, хотя бы даже и не сотворил их: Он есть Сын оттого, что Он – равенство бытия вещей, выше или ниже которого вещи не могут существовать. Словом, Бог есть Сын от своего равенства существованию вещей, которые он всегда мог создать, хотя бы никогда и не создал, а если бы не мог создать, не был бы ни Отцом, ни Сыном, ни Святым Духом, да и вообще не был бы Богом. Если рассмотреть поглубже, рождение Отцом Сына и было созданием всего в Слове. Недаром Августин утверждает, что Божие Слово есть также искусство и идея по отношению к творениям.

Дальше, Бог есть Отец оттого, что родил равенство единству, а Святой Дух оттого, что Он – любовь их обоих друг к другу. Все это тоже по отношению к творениям. В самом деле, оттого, что Бог есть Отец, творение начало быть; оттого, что Бог есть Сын, оно исполняется совершенством; оттого, что Бог есть Святой Дух, оно согласно вселенскому порядку вещей. Это – впечатления Троицы в каждой вещи. Такова и мысль Аврелия Августина, который в толковании на стих из книги Бытия "В начале Бог сотворил небо и землю" говорит, что Бог сотворил начала вещей потому, что Он Отец.

Итак, все, что утвердительная теология говорит о Боге, коренится в отношении к творению, вплоть до тех хранимых евреями и халдеями священнейших имен, в которых скрыты величайшие таинства богопознания, но которые всегда означают Бога только сообразно какой-то частной особенности, кроме четырехбуквенного имени собственного и неизреченного, о котором мы говорили выше: *ioth he vai he*. Иероним и рабби Саломон в книге "Путеводитель колеблющихся" подробно говорят об этом; их и читай.

ГЛАВА 25

ЯЗЫЧНИКИ ИМЕНОВАЛИ БОГА ПО-РАЗНОМУ В АСПЕКТЕ ТВОРЕНИЙ

Язычники тоже именовали Бога ввиду разных сторон его творения: Юпитером – ради чудесного милосердия (Юлий Фирмик говорит, что Юпитер настолько благоприятная звезда, что, если бы в небе царил только Юпитер, люди были бы бессмертны), Сатурном – ради глубины помыслов и изобретения необходимых для жизни вещей. Маасом – ради воинских побед, Меркурием – ради благоразумия в совете, Венерой – ради любви, сохраняющей природу, Солнцем ради мощи природных движений. Луной – ради сохранения влаги, заключающей в себе жизнь, Купидоном – ради единения двух полов; и по той же причине его называли Природой, поскольку он через двоякость пола сохраняет виды вещей. Гермес [Трисмегист] говорит, что все, как живое, так и неживое, двояко по роду, и всеобщая причина, Бог, свернуто заключает в себе и мужской и женский род, развертыванием которых он считал Купидона и Венеру Валерий Римлянин, держась того же мнения, тоже воспевал Юпитера как всемогущего бога родителя-родительницу. Купидона – [его имя идет] от силы, с какой одна вещь вожделеет другой, – называли еще порождением Венеры, то есть природной красоты; а Венеру считали дочерью всемогущего Юпитера, от которого Природа и все ей сопутствующее. Также и храмы – Мира, Вечности, Согласия, Пантеон и тот, где посередине под открытым небом стоял алтарь бесконечного Термина, которому нет предела, – и подобные вещи показывают нам, что язычники именовали Бога по-разному, исходя из отношения к творению.

Все эти имена развертывают всесодержащее единство несказанного имени, и как это истинное собственное имя бесконечно, так бесконечны свернуто заключенные в нем имена частных совершенств. Соответственно, развертывающих имен тоже может быть множество, причем никогда не столько, чтобы уже не могло быть больше. Каждое из них относится к имени собственному и